

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-58-63>

## ПРИМЕНЕНИЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПРИНЦИПА НЕДОПУСТИМОСТИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА КОГО-ЛИБО В ЧАСТНЫЕ ДЕЛА ПО СПОРАМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ВЕЩНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

**Федорова П.А.**

ФГАОУ ВО «Волгоградский Государственный Университет»  
(Университетский пр-кт, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062)

**Ссылка для цитирования:** Федорова П.А. Применение в судебной практике принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела по спорам, вытекающим из вещно-правовых отношений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):58–63. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-58-63>

### КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

**Федорова Полина Анатольевна**, аспирант кафедры гражданского права и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

**Адрес:** Университетский пр-кт, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062

**Тел.:** +7 (937) 088-98-08

**E-mail:** polinafedorova999@yandex.ru

**Конфликт интересов.** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Финансирование.** Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

**Статья поступила в редакцию:** 02.06.2025

**Статья принята к печати:** 20.06.2025

**Дата публикации:** 27.06.2025

**Аннотация:** Статья посвящена применению принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела в судебной практике по делам, вытекающим из вещно-правовых отношений. Отмечается, что положениями самого Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) общая специфика применения принципов гражданского законодательства регулируется в недостаточной степени ясно. По существу, она сводится к единственному положению п. 2 ст. 6 ГК РФ, где указывается, что общие начала гражданского законодательства служат для определения прав и обязанностей сторон правоотношения в случае невозможности применить аналогию закона. С одной стороны, условия и порядок применения принципов гражданского законодательства в режиме аналогии права не вызывают существенных сомнений. С другой стороны, остается открытым вопрос: является ли аналогия закона единственным возможным случаем применения принципов гражданского законодательства в судебной практике или существуют какие-то иные варианты? Текущая судебная практика по вещно-правовым спорам скорее не подтверждает идею о всеобщности правоприменительного значения принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, а также о его применимости в качестве некоего самостоятельного регулятора общественных отношений. В рамках конституционного правосудия недопустимость произвольного вмешательства в частные дела служит в качестве своеобразного «арбитра» при наличии конкуренции основных начал гражданского законодательства. Такая ситуация возникла, в частности, когда требовалось одновременно применить принцип неприкосновенности собственности и ограничение гражданских прав в публичных интересах. Обращение к принципу недопустимости произвольного вмешательства в частные дела позволило защитить неприкосновенность собственности. В практике судов общей юрисдикции принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела фактически применяется для корректировки выносимого решения. В том случае, когда аналогия не требуется, поскольку из конкретных норм гражданского законодательства следует вполне определенный вывод, суд в ряде случаев действует не в соответствии с прямым смыслом данной нормы, но и не дает ей расширительного или ограничительного толкования, а применяет норму с учетом принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела,

в результате чего выносимое решение является иным по содержанию, нежели следовало бы в том случае, когда норма применялась бы в отдельности от принципа.

**Ключевые слова:** частные дела, вмешательство, принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, право собственности, вещное право, право общей долевой собственности, приватизация.

### **Введение**

Общая модель судебного применения принципов (основных начал) гражданского законодательства в России не может считаться окончательно сложившейся. С нашей точки зрения, эта неопределенность обусловлена двумя основными причинами.

Во-первых, принципы гражданского законодательства в своем исходном виде характеризуются особой юридической техникой, которая выражается в том, что они изложены не в виде норм, т.е. конкретных правил поведения, а лишь как общие ориентиры: «неприкосновенность», «недопустимость», «необходимость» и т.п.

При этом, впрочем, некоторые из принципов одновременно присутствуют в законодательстве и на уровне норм; примером может служить принцип свободы договора, который закреплен и в п. 1 ст. 1 ГК РФ, и в отдельной ст. 421 ГК РФ, где содержание данного принципа развернуто в совокупности субъективных прав и запретов. В этом случае принцип гражданского права по механизму своего действия существенно не отличается от общей нормы. Однако значительная часть принципов гражданского права не дублируется на уровне норм и, следовательно, предполагают иной способ их практического применения.

Зачастую попытки доктринального разъяснения таких принципов гражданского законодательства, как, например, разумность, принимают форму не столько нормативных положений, сколько простого перечня свойств или действий, что в целом адекватно исходной манере их изложения в тексте закона: «обеспечение адекватного стимулирования участников гражданского оборота к ответственному, разумному, добросовестному и честному поведению; определение с учетом актуальных условий, в которых существует и действует правопорядок, оправданных пределов, которыми могут и должны ограничиваться реализация правоспособности, свобода волеизъявления и осуществление конкретных субъективных прав» и т.п. [4, с. 11].

Во-вторых, положениями самого Гражданского кодекса РФ общая специфика применения принципов гражданского законодательства регулируется в недостаточной степени ясно. По существу, она сводится к единственному положению п. 2 ст. 6 ГК РФ, где указывается, что общие начала гражданского законодательства служат для определения прав и обязанностей сторон правоотношения в случае невозможности применить аналогию закона.

### **Методы исследования**

Основными методами, применяемыми в данном исследовании, являются: метод герменевтики, позволяющий интерпретировать содержание нормативных и правоприменительных актов; сравнительный метод, способствующий выявлению общих и особенных черт изучаемых судебных решений.

### **Результаты исследования**

Анализ применения принципов гражданского законодательства в российской судебной практике позволяет выделить следующие основные результаты исследования:

- 1) принципы гражданского законодательства чаще применяются не отдельно от конкретных норм, а в комплексе с ними;
- 2) как правило, суд ссылается не на один принцип, а на целую их группу;
- 3) в большинстве случаев суд ограничивается общей ссылкой на те или иные принципы гражданского законодательства, не подвергая их детальной интерпретации;
- 4) Конституционный суд Российской Федерации оценивает недопустимость произвольного вмешательства в частные дела как принцип, имеющий конституционное значение;
- 5) в практике судов общей юрисдикции принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела фактически применяется для корректировки выносимого решения;
- 6) в рамках конституционного правосудия недопустимость произвольного вмешательства в частные дела служит в качестве своеобразного «арбитра» при возникновении конкуренции основных начал гражданского законодательства.

### **Научная дискуссия**

Полагаем, что условия и порядок применения принципов гражданского законодательства в режиме аналогии права не вызывают существенных сомнений. Но остается открытым вопрос: является

ли аналогия закона единственно возможным случаем применения принципов гражданского законодательства в судебной практике или существуют какие-то иные варианты?

Этот вопрос получил различные решения в цивилистических исследованиях. Так, Е.Г. Комиссарова утверждает, что основным началом гражданского законодательства из-за емкости своего содержания – место не только в аналогии права, но и в аналогии закона<sup>1</sup>.

О.А. Кузнецова детализирует несколько различных способов применения принципов гражданского права (впрочем, считая их «нормами-принципами»), причем, кроме собственно аналогии права, относит к ним: усиление аргументации по делу; использование принципов для юридического толкования; непосредственное применение принципов. Как признает автор, первые три способа носят опосредованный характер, и лишь при непосредственном применении принципы гражданского права обретают прямое действие. Один из приводимых О.А. Кузнецовой примеров такого непосредственного применения – обращение к принципам права для преодоления юридической коллизии [5, с. 94–129].

А.Я. Рыженков приходит к несколько иному выводу: по механизму судебного применения принципы гражданского права делятся на две группы. К первой из них относятся конституционные принципы: неприкосновенность собственности, судебная защита гражданских прав и свободное перемещение товаров и услуг, – которые в силу своей повышенной юридической силы на уровне правоприменения должны обладать безусловным приоритетом перед всеми конкретными, как общими, так и специальными нормами. Ко второй группе автор относит все остальные принципы, закрепленные в п. 1 ст. 1 ГК РФ: «Эта категория основных начал гражданского законодательства применяется в судебной практике по той же модели, что и общие нормы гражданского законодательства. Иначе говоря, суд обращается к ним в том случае, если отсутствует специальная норма, регулирующая спорное отношение» [6; 7, с. 15]. А.В. Коновалов также подчеркивает, что применение принципов права не обязательно предполагает предварительное обращение к конкретным нормам, а может осуществляться при наличии такой нормы и даже вразрез с ее содержанием: «Принципы действительно обладают прямым регулирующим воздействием, и общественное отношение может быть урегулировано, в том числе через вынесение судебного решения, в рамках определенной канвы, обозначенной принципом, – в отсутствие соответствующей нормы или вопреки существующей»<sup>2</sup>.

Следует отметить, что в литературе существует и более узкая трактовка и самой природы принципов гражданского законодательства, и, соответственно, пределов их практического применения, в рамках которой возможность непосредственного действия данных принципов вообще не предполагается. Примером может служить позиция К.М. Беликовой и М.А. Ахмадовой, которые утверждают: «принципы законодательства (как они закреплены, например, в ГК РФ) не являются какими-то началами или основами, а лишь общими правилами толкования норм и восполнения пробелов правоприменителями» [1, с. 14].

Применение принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в сфере вещных правоотношений осуществлялось Конституционным Судом Российской Федерации. Более того, именно в связи с вещными правами, а именно с правом собственности, данный орган объявил, что недопустимость произвольного вмешательства в частные дела – это принцип, имеющий конституционное значение. Эта констатация содержится в Постановлении от 27 декабря 2022 г. № 58-П. В п. 2 мотивировочной части данного Постановления говорится: «В силу конституционного принципа верховенства права и имеющего конституционное значение принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ) любое вмешательство публичной власти в отношения собственности не должно быть избыточным и нарушать баланс между законными интересами общества и необходимыми условиями защиты прав личности, что предполагает разумную соразмерность его конституционно значимых целей и средств их достижения»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Комиссарова Е.Г. Принципы права и основные начала в гражданском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 9–10.

<sup>2</sup> Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 285.

<sup>3</sup> По делу о проверке конституционности положений подпункта 4 пункта 12 и пункта 12.1 статьи 189.49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», части 4 статьи 9 Федерального закона от 1 мая 2017 года №84-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца третьего подпункта «в» пункта 25 статьи 6 Федерального закона от 23 апреля 2018 года №87-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Н.А. Коноваловой, В.А. Лычевой, Л.В. Магери и В.И. Питернова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 58-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 2. Ст. 546.

Правда, из текста Постановления остается не вполне ясным, по какой причине Конституционный Суд Российской Федерации счел необходимым в данном случае опираться именно на принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, учитывая, что содержание выводов суда вполне укладывается в рамки другого принципа, а именно неприкосновенности собственности.

Более конкретным инструментом конституционного правосудия предстает принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела в другом Постановлении КС РФ – от 19 апреля 2021 г. № 14-П. В данном деле Конституционный Суд основывался на принципе недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в сумме с принципом свободы договора, признавая неприемлемым прямой запрет на размещение нестационарных торговых объектов не на находящейся в публичной собственности территории (п. 2 мотивировочной части)<sup>1</sup>. Вместе с тем, допуская иные, кроме прямого запрета, формы регулирования, например, установление дополнительных требований технического или эстетического характера к подобного рода объектам, Конституционный Суд не пояснил, как следует квалифицировать такое регулирование: либо оно вовсе не является вмешательством в частные дела, либо является, но не произвольным, – а также в целом не дал однозначного критерия, позволяющего отличить нарушение этого принципа от его соблюдения.

Типичным примером судебного применения принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела по вещно-правовым спорам в практике общей юрисдикции является Определение Верховного Суда Российской Федерации № 2-1021/19 от 26 октября 2020 г. Фабула данного дела касается отношений общей долевой собственности. Истец был вселен в спорную квартиру решением суда, причем изначально ему была выделена отдельная комната, однако впоследствии данное решение было отменено и истец получил 2/9 доли в праве общей долевой собственности на две комнаты и 1/3 доли в третьей комнате. Поскольку между сособственниками сложились конфликтные отношения, а выдел указанных долей в натуре представляется невозможным, истец обратился с требованием о взыскании с остальных собственников компенсации за принадлежащие ему доли.

Ответчики иск не признали, ссылаясь как на отсутствие материальных возможностей, так и на наличие у истца возможности пользоваться и распоряжаться имуществом, в том числе путем продажи своих долей.

Суд первой инстанции отказал в иске, однако апелляционная инстанция отменила данное решение, аналогичную позицию занял и кассационный суд.

В приведенном деле представляет особый интерес то обстоятельство, что по своему буквальному смыслу п. 4 ст. 252 ГК РФ, казалось бы, требует установления такого факта, как незначительность доли выделяющегося собственника, только в том случае, если предполагается выплата ему компенсации без его согласия. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, хотя в рассматриваемом случае имело место не только согласие, но и прямое требование со стороны истца-сособственника, посчитала необходимым принять во внимание не только указанное выше обстоятельство, но и многие другие, в частности, отсутствие у других собственников материальной возможности для выплаты компенсации, исходя из того, что иное угрожало бы нарушением баланса их интересов и, согласно логике суда, произвольным вмешательством в их частные дела.

Рассматривая данное дело, Верховный Суд Российской Федерации обратился в том числе к принципу недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (наряду с другими принципами – равенства участников гражданских правоотношений, неприкосновенности собственности и свободы договора) и пришел к выводу, что с учетом требований ст. 252 ГК РФ данный принцип был нарушен в данном деле, вследствие чего решения апелляционной и кассационной инстанций были отменены и решение первой инстанции об отказе в иске оставлено в силе.

Следовательно, рассматриваемый принцип внес существенные коррективы в смысл данной нормы и, соответственно, в результат ее применения.

---

<sup>1</sup> По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, части 7 статьи 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», а также абзаца двадцать второго части 1 статьи 2, пункта 25 части 1 статьи 16 и пункта 3 части 2 статьи 45.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г.С. Дадашова, И.Н. Касимова и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2021 № 14-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 17. Ст. 3045.

В другом деле истец обратился в суд с требованием о признании права собственности на квартиру в порядке приватизации. Апелляционная инстанция установила, что истец проживает по договору аренды в квартире, принадлежащей на праве собственности сельскохозяйственному производственному кооперативу.

Суть самого искового требования фактически сводится к тому, чтобы понудить собственника жилищного фонда дать разрешение на передачу занимаемого заявителем помещения ему в собственность, что, по мнению суда, явилось бы нарушением принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, в связи с чем апелляционная инстанция оставила без изменения решение об отказе в иске (Апелляционное определение Нижегородского областного суда № 33-3711/2013 от 28 мая 2013 г.).

Можно утверждать, что текущая судебная практика по вещно-правовым спорам скорее не подтверждает идею о всеобщности правоприменительного значения принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, который якобы «пронизывает все гражданско-правовые нормы, его необходимо постоянно иметь в виду при рассмотрении любого гражданского дела»<sup>1</sup>, а также о его применимости в качестве некоего самостоятельного регулятора общественных отношений. По мнению В.В. Васильева, «каждый из принципов проявляется в системном единстве друг с другом» [2, с. 28].

А.А. Волос пишет: «принципы должны применяться в системе, правильное понимание норм гражданского права возможно лишь в их взаимосвязи именно с самой системой принципов, а не с отдельными началами гражданского законодательства» [3, с. 12].

В то же время не подтверждается и вытекающая, казалось бы, из п. 2 ст. 6 ГК РФ модель, в соответствии с которой принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела использовался бы путем аналогии права, когда отсутствует и конкретная норма, применимая по делу, и норма, регулирующая сходные отношения.

Взамен этого судебная практика дает два других варианта действия рассматриваемого принципа:

1. В рамках конституционного правосудия недопустимость произвольного вмешательства в частные дела служит в качестве своеобразного «арбитра» при возникновении конкуренции основных начал гражданского законодательства. Такая ситуация складывается, в частности, когда требовалось одновременно применить принцип неприкосновенности собственности, с одной стороны, и ограничение гражданских прав в публичных интересах, с другой. Обращение к принципу недопустимости произвольного вмешательства в частные дела позволило защитить неприкосновенность собственности.

Изъяном такой правоприменительной техники можно считать неопределенность в отношении такого, как именно избирается «принцип-арбитр», что неизбежно порождает опасения в случайности или произвольности такого выбора.

2. В практике судов общей юрисдикции принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела фактически применяется для корректировки выносимого решения. В том случае, когда аналогия не требуется, поскольку из конкретных норм гражданского законодательства следует вполне определенный вывод, суд в ряде случаев действует не в соответствии с прямым смыслом данной нормы, но и не дает ей расширительного или ограничительного толкования, а применяет норму с учетом принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, в результате чего выносимое решение является иным по содержанию, нежели следовало бы в том случае, когда норма применялась бы в отдельности от принципа.

#### **Список использованной литературы:**

1. Беликова К.М., Ахмадова М.А. Еще раз о предмете и методе предпринимательского права и перспективах деления права на отрасли. *Современное право*. 2023;(4):12–25.
2. Васильев В.В. Принципы гражданского права как системообразующий фактор. *Вестник ТвГУ. Серия право*. 2012;(30):19–29.
3. Волос А.А. Трансформация теории принципов гражданского права в современных условиях цифровизации общества: монография: М.: Проспект; 2024.
4. Коновалов А.В. Принцип разумности в гражданском праве. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;(105(8)):11–21.
5. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права: монография. М.: Статут; 2006.

---

<sup>1</sup> Косач А.С. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 9.

6. Рыженков, А.Я. О роли правовых принципов в отраслевой структуре российского права. *Современное право*. 2023;(6):12–16.

7. Рыженков А.Я. Основные начала (принципы) гражданского законодательства и смежных отраслей права: монография. М.: Юрлитинформ; 2015.

#### **ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ**

**Федорова Полина Анатольевна**

аспирант кафедры гражданского права и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

ORCID ID: 0009-0000-1186-1162